

ВОЗРАСТНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Попова Л.А., Зорина Е.Н.

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия.

Аннотация. Рассмотрены вопросы геронтологического эйджизма в современном российском обществе. Выявлено, что люди старшего возраста обладают значительным ресурсным потенциалом, однако проявления возрастной дискриминации в трудовой сфере, на бытовом уровне и в семье по-прежнему распространены достаточно широко.

Ключевые слова: старение населения, пожилые люди, занятость пожилых людей, возрастная дискриминация, семейное насилие.

AGE DISCRIMINATION IN THE RUSSIAN SOCIETY

Popova L.A., Zorina E.N.

Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North,
Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

Abstract. The article is devoted to gerontological ageism in contemporary Russian society. Authors have revealed that elderly people have considerable resource potential, however manifestations of age discrimination in the labor sphere, at the household level and in a family are still widespread.

Key words: population aging, elderly people, employment of elderly people, age discrimination, spousal assault.

Старение населения – один из глобальных вызовов современности. В России доля населения старше трудоспособного возраста к началу 2016 г. достигла 24,6% [7], увеличившись за последние полвека почти в два с половиной раза (с 10,2% в 1959 г. [4]). В активно стареющем обществе очень важное значение имеют вопросы социального самочувствия населения старшего возраста, которое прежде всего зависит от качества жизни пожилых людей: от уровня здоровья и благосостояния, доступности медицинской помощи и социального обслуживания, качества питания и состояния экологии, наличия безбарьерной среды обитания и полноценного отдыха, возможности реализации своего ресурсного потенциала, а также от того, насколько гармонично пожилые люди вписаны в социум, каков характер отношений между ними и молодыми представителями общества. В западной науке еще в 1950-1960-е годы актуализировался интерес к возрастной дискриминации, которая подразумевает негативные стереотипы относительно старости и старения, а также практики,

унижающие достоинство пожилого человека, вплоть до эбьюзинга (жестокое обращение), реализуемые в микро-, мезо- и макросоциальных средах [5]. В 1969 году Роберт Батлер определил понятие геронтологический эйджизм как систематическое применение стереотипов к пожилым и их дискриминацию [9]. В российских исследованиях, несмотря на остроту, эта проблема пока не нашла широкого освещения. В данной статье рассмотрены вопросы возрастной дискриминации в трудовой сфере, на бытовом уровне и в семье.

Эмпирической базой исследования являются два социологических обследования, проведенных авторами в 2013 г. В рамках обследования «Проблемы третьего возраста» было опрошено 932 человека старше 55 лет с целью выявления ресурсного потенциала и социального самочувствия людей старшего возраста. В обследовании «Отношения между поколениями» было опрошено 922 человека в возрасте 15-54 лет. Часть вопросов была посвящена характеру существующих в современном российском обществе взаимосвязей между лицами трудоспособного возраста и пожилыми людьми, раскрытию проблем, возникающих в межпоколенческих отношениях, а также возможностей разрешения или смягчения этих проблем. Выборки исследований описаны в монографии.

Динамика размера пенсии по возрасту, его соотношения со средней заработной платой по экономике и величиной прожиточного минимума пенсионера свидетельствует о повышении в последние годы уровня жизни российских пенсионеров. Субъективная оценка, полученная в результате обследования «Проблемы третьего возраста» соответствует объективным данным: люди пожилого возраста в среднем чувствуют себя далеко не такими бедными, как это традиционно принято считать. Более двух третей опрошенных оценили уровень своих доходов как достаточный и приемлемый (почти 12% – как достаточный, чтобы ни в чем себе не отказывать, около 55% – как приемлемый: «Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов, одежды»). Во многом это обусловлено тем, что довольно большая часть пенсионеров продолжает работать. Трудовые дополнительные доходы указали 40,3% участников опроса: 33,9% отметили зарплату и 6,4% – подработки время от времени. На прямой вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?» положительно ответили 35,5% респондентов. На вопрос, сформулированный более детально, с конкретизацией характера занятости, ответило чуть больше людей: 36,4% опрошенных. Последняя цифра, на наш взгляд, верней всего отражает уровень занятости участников опроса: в прямом вопросе, очевидно, оказались неуказанными случаи работы на дому и в приусадебном товарном хозяйстве, которые люди зачастую не склонны «без подсказки» оценивать в качестве работы. Отметим, что все эти цифры заметно ниже, чем в генеральной совокупности: на начало 2013 г. в Республике Коми работали 50,5% пенсионеров [3]. Т.е. в целом лица пенсионного возраста еще более активны, чем попавшие в выборку обследования, по результатам которого до 65 лет у людей преобладает стремление работать. Объяснение работы в пенсионном возрасте лишь экономическими мотивами, нуждаемостью и недостатком пенсионного обеспечения не соответствует действительности. Главнейшим стимулом для

продолжения трудовой занятости после выхода на пенсию остается востребованность и включенность в социальные и профессиональные отношения. К труду у работающих пенсионеров не менее требовательное отношение, чем у представителей средних поколений: примерно треть из них хотела бы поменять рабочее место, найти новое. Почти 20% незанятых пенсионеров желают устроиться на работу.

В то же время и статистические данные, и результаты социологических обследований свидетельствуют о том, что для России, в отличие от большинства экономически развитых государств, по-прежнему актуальной проблемой является дискриминация граждан по возрастному признаку в трудовой сфере [8]. По мере увеличения возраста пожилые люди постепенно вытесняются со своих рабочих мест. В обследовании «Проблемы третьего возраста» большинство работающих участников опроса (63%) заняты полную трудовую неделю по прежнему месту работы. Именно такой тип занятости пенсионеры считают «настоящей» работой. С возрастом процент работающих пенсионеров, безусловно, убывает, но при этом в его составе уменьшается и процент занятых по прежнему месту работы. Среди участников опроса моложе 60 лет работают более 63%, почти три четверти из них (73%) заняты полную рабочую неделю по прежнему месту. В следующей пятилетней возрастной группе 60-64 лет трудятся 37% респондентов, из которых в рамках полной занятости на прежнем месте работают немногим более половины (56%). В группе 65-69 лет трудятся 30% опрошенных, из них на привычном рабочем месте на полную ставку заняты уже меньше половины (42%). В 70-74 лет работают 14% респондентов, менее трети которых (31%) трудятся на старом месте полный рабочий день. Снижение с возрастом доли занятых по прежнему месту работы убедительно подтверждает существование возрастной дискриминации на внутреннем рынке труда, т.е. непосредственно в организациях, в которых работают или работали люди пожилого возраста.

В еще большей степени необоснованная дискриминация по возрасту, в нарушение правовых норм, проявляется на внешнем рынке труда, т.е. при устройстве граждан на работу. Например, опрос руководителей организаций и предприятий разных форм собственности, проведенный в ходе комплексного социологического обследования в Республике Башкортостан в 2013 г., показал, что только половина работодателей при заполнении вакантных рабочих мест не предъявляет возрастных ограничений к кандидатам [2]. А для приема на хорошую работу нынешними российскими работодателями введен ценз в 35-40 лет, отражающий факт изменения у человека в силу возраста неких психофизиологических качеств: снижение подвижности психики, гибкости, физической силы, работоспособности, повышение утомляемости и проч. [6], из-за чего в старших возрастных группах преобладают более простые формы занятости, как правило, сопровождаемые частичным наймом. Особенно обнажаются дискриминационные практики на рынке труда в период сложной экономической конъюнктуры. Так, в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. снижение занятости среди населения старшего возраста происходило в России гораздо быстрее, чем среди граждан других возрастных категорий, в то время как в большинстве западных государств

многолетняя тенденция повышения занятости пожилых людей сохранилась и в период кризиса [1].

Обследование «Проблемы третьего возраста» показало, что социальное самочувствие и видение старости у пенсионеров далеко не такое пессимистичное, как принято считать. Позитивные оценки своей жизни и окружающего мира встречаются у пожилых гораздо чаще, чем негативные. Несмотря на все проблемы, связанные со здоровьем и материальными трудностями, люди старшего возраста вполне оптимистично воспринимают действительность. В большинстве своем они достаточно коммуникабельны, не только поддерживают отношения со старыми знакомыми, но и легко завязывают знакомства с новыми людьми. Они пользуются вниманием и уважением родных и близких.

В то же время почти 80% участников обследования отметили равнодушие общества к ним, безразличие к своим проблемам, свою ненужность, «отработанность», отсутствие перспектив. Лишь порядка 20% респондентов считают, что к пожилым людям в обществе относятся с уважением. Почти 30% опрошенных людей старшего возраста лично испытали возрастную дискриминацию в той или иной сфере. 35% опрошенных на вопрос о дискриминации ответили «не припомню» – во многих случаях это может свидетельствовать лишь о сомнении, трактовать ли тот или иной случай несправедливого обращения с ними как ущемление именно по возрасту, а не по какому-нибудь другому признаку. И только 36% опрошенных пожилых людей твердо ответили, что такого никогда не было.

С примерами геронтологического эйджизма сталкивалось и большинство участников обследования «Отношения между поколениями». 60% опрошенных трудоспособного возраста отметили, что им известны примеры, когда пожилого человека подвергали дискриминации (обижали, унижали, обзывали, отказывали в просьбе, в медицинской помощи, в приеме на работу и т.д.) только потому, что он старый. А на вопрос «Какого рода эти примеры?» ответили 68% респондентов: более 43% сталкивались со случаями бытового хамства по отношению к старикам, по 26% – с насмешками над ними и отказом в медицинской помощи, по 19% опрошенных знают примеры дискриминации пожилых людей на рынке труда: как при сокращении с прежней работы, так и при отказе в трудоустройстве.

Самые отвратительные стороны геронтологического эйджизма проявляются в случаях семейного насилия по отношению к старикам. Примеры жестокого обращения с пожилыми людьми в семье достоверно известны, по меньшей мере, 45% опрошенных в рамках обследования «Отношения между поколениями» людей трудоспособного возраста. 38% респондентов на прямой вопрос о существовании семейного насилия по отношению к людям старшего возраста ответили, что им такие случаи неизвестны, 17% затруднились ответить на этот вопрос. Однако когда участникам обследования был задан вопрос о формах жестокого отношения к пожилым людям в семье, их припомнили более 70% опрошенных. Наиболее распространенные ответы касаются психологических форм семейного насилия (оскорбления, игнорирование, лишение возможности общаться и т.д.): они известны более половине респондентов. Почти треть

опрошенных знает о случаях физического насилия родственников к старикам. Более четверти отметили неблагоприятное экономическое положение пожилых людей в семье (лишение финансовых средств и т.д.). А на вопрос о причинах геронтологического эбьюзинга в семье ответили еще больше участников опроса: 93%. Иными словами, о случаях жестокого обращения со стариками в семье, по сути, известно более чем 90% опрошенных трудоспособного возраста. Конечно, большинство из них отмечают, что такие межпоколенческие отношения характерны для маргинальных и конфликтных семей, а также семей, в которых насилие воспроизводится из поколения в поколение. В то же время почти 40% ответивших считают, что насилие в семье по отношению к пожилым людям обусловлено их беспомощным состоянием.

Таким образом, хотя в современном обществе происходит трансформация системы ценностей и мировоззренческих позиций о старшем возрасте, проявления геронтологического эйджизма, начиная с хамства и насмешек на бытовом уровне, кончая дискриминацией на рынке труда и в доступе к медицинским услугам и семейным насилием, по-прежнему распространены достаточно широко. Ускорившееся постарение населения России ставит перед обществом серьезный вызов: сможет ли социум адаптироваться к новым условиям и преодолеть не только недопустимые в цивилизованном мире случаи социальной несправедливости, к которой относится возрастная дискриминация в разных сферах, но и существующие буквально на подсознательном уровне негативные стереотипы по отношению к пожилому возрасту, устойчивые социальные стигматы в отношении пожилых людей. На повестке дня стоит ликвидация всех форм дискриминации по возрасту не только в области занятости, но и в образовательной, медицинской и других сферах, а также поддержка всех направлений активизации долголетия.

Список литературы

1. Владимиров Д.Г. Пожилые граждане на рынке труда в условиях кризиса // Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов - М. - 2012. -С. 329-331.
2. Галин Р.А., Яппарова Р.Р. Использование трудового потенциала лиц пенсионного возраста в условиях трансформации демографической структуры населения // Регион: экономика и социология - 2015. №3 (87). - С. 171-189.
3. Информационно-аналитический обзор «Республика Коми. Итоги 2012». Часть I. - Сыктывкар, - 2013.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года - М., - 1972.
5. Колпина Л.В. Геронтологический эйджизм в практиках медицинского и социального обслуживания населения // Социологические исследования - 2015. №5. - С. 72-77.
6. Левинсон А.Г. Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии - 2011. Т.109. №3. - С. 52-81.
7. Официальный сайт Росстата - URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 15.01.2017).

8. Смолькин А.А. Трудовой потенциал пожилых людей // Социологические исследования - 2014. №5. - С. 97-103.

9. Butler R.N. Ageism: Another form of bigotry // The Gerontologist - 1969. Vol.9. - P 243-246.

© Попова Л.А., Зорина Е.Н., 2017.

УДК 316.356.2+316.334.22

ПОЛИТИКА БАЛАНСА СЕМЬИ И РАБОТЫ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Праведников А.В.

ГБУЗ РБ Медицинский информационно-аналитический центр Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия.

Аннотация: в статье приведен краткий анализ истории возникновения и развития политики баланса семьи и работы в зарубежных странах и России. Политика баланса семьи и работы получила развитие благодаря переходу множества семей к модели двухкарьерной семьи, в которой оба супруга заняты на оплачиваемой работе. Перспективы развития политики баланса семьи и работы связываются с возрастающей в глазах женщин ценностью карьеры и образования.

Ключевые слова: баланс семьи и работы, политика баланса семьи и работы, рынок труда, занятость мужчин и женщин.

WORK-FAMILY BALANCE POLICY: HISTORY AND PERSPECTIVES

Pravednikov A.V.

Medical Information and Analytical Center. Ufa, Russia.

Abstract: The article provides a brief analysis of the history of the emergence and development of a work-family balance policy in foreign countries and Russia. The work-family balance policy has developed through the transition of many families to a model of a two-career family in which both spouses are engaged in paid work. Prospects for the development of work-family balance policy are associated with the increasing value of career and education in the eyes of women.

Key words: work-family balance, work-family balance policy, labor market, employment of men and women.

Баланс семьи и работы как исследовательская категория является сравнительно новой как для социологической науки в целом, так и для